

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ МОРАЛИ

Г. В. Плеханов самоотверженно пропагандировал, распространял и защищал материалистическое понимание истории, ту теорию, которая, по его словам, является подлинной, самой революционной из тех, что знает история человеческой мысли¹.

Объясняя сложные явления общественной жизни с диалектико-материалистических позиций, Г. В. Плеханов выступал против идеалистических воззрений не только в области философии, социологии, политической экономии, искусства и т. д. Он критиковал буржуазные теории, утверждающие независимость морали от экономической жизни людей, существование ее исключительно в человеческой культуре. Русский либеральный публицист В. А. Гольцев, разделяя мнение французского историка Фюстель-де-Куланжа, признавал психический фактор исторического развития самостоятельным. Г. В. Плеханов в открытом письме В. А. Гольцеву, ссылаясь на многочисленные сочинения буржуазных же авторов, стоящих ближе к позициям материалистического понимания истории, утверждает, что психическая жизнь людей представляет собой отражение прежде всего экономических условий их существования. Общественный человек, писал Г. В. Плеханов, есть продукт длительного зоологического развития. «Но культурная история этого человека начинается лишь с тех пор, когда он, не довольствуясь присвоением готовых даров природы, сам начинает производить нужные для него предметы потребления.

Размеры и характер этого производства в каждое данное время определяются состоянием производительных сил»².

Чтобы производить, люди должны находиться в известных отношениях с природой и друг с другом. Подобные отношения складываются на основе определенного уровня развития производительных сил общества, каждый новый шаг в развитии которых «вызывает целый переворот во взаимных отношениях производителей, а вместе с тем и во всем общественном устройстве»³.

Ссылаясь на Ч. Дарвина и соглашаясь с ним, Г. В. Плеханов отмечает, что нравственные отношения и понятия людей объясняются прежде всего существующими, объективно складывающимися общественными отношениями. Если бы люди жили в таких же условиях, в которых живут пчелы, у них господствовала бы пчелиная нравственность, и они со спокойным сердцем совершали бы то избиение себе подобных, которое периодически совершается в пчелином улье⁴.

Но откуда берутся эти общественные отношения в человеческом обществе? Г. В. Плеханов отвечает, что такие отношения суть отношения людей, они созданы людьми. Именно поэтому они кажутся продуктом свободной воли. И он приводит слова Д. Дидро о том, что свободная воля — это «иллюзия существа, сознающего себя *как причину*, но не сознающего себя *как следствие*»⁵. Людям кажется, что данные общественные отношения созданы их свободной волей, и их объяснение на этом заканчивается. Конечно, говорит Г. В. Плеханов, всякая данная система отношений в значительной мере создана волею и усилиями людей, однако истинная причина их появления часто упускается из виду. Причина же эта заключается в том, что уровень и степень раз-

вития производительных сил определяет разделение на классы, интересы которых не только различны, но и во многих и притом самых существенных отношениях диаметрально противоположны. «Наконец, на почве общественных отношений, обуславливаемых данным состоянием производительных сил, вырастает обычная *нравственность*, т. е. та нравственность, которая руководит людьми в их обычной житейской практике»⁶.

Уровень духовной жизни людей, по мнению Г. В. Плеханова, предопределен степенью развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Таким образом, он не оставляет никакой лазейки для идеалистического объяснения истории и нравственности в качестве истока исторического процесса. Марксисты считают, пишет он, что «развитие нравственности общественного человека обуславливается развитием общественных отношений, которые в свою очередь определяются развитием общественных производительных сил»⁷.

Анализируя теоретические воззрения Н. Г. Чернышевского, Г. В. Плеханов отмечает, что тот иногда исторические события объясняет сознательным расчетом, разумным эгоизмом. По словам Н. Г. Чернышевского, тот или иной поступок или чувство, представляющиеся бескорыстными, в своей основе имеют мысль о собственной личной выгоде. Подобные рассуждения Н. Г. Чернышевского принимают зачастую своеобразный характер: «Лукреция (знатная римлянка, VI век до н. э. — *Н. Ш.*) закололась, когда ее осквернил Секст Тарквиний: она поступила расчетливо». Далее Н. Г. Чернышевский приводит доказательства такой расчетливости. Коллатин, муж Лукреции, мог сказать жене: я считаю тебя чистой и люблю тебя по-прежнему. Однако при

тогдашних понятиях, слишком мало изменившихся с тех пор, он не в силах был оправдать своих слов делом: волею или неволею, но он уже потерял значительную часть прежнего уважения, прежней любви к жене. Он мог покрывать эту потерю преднамеренным увеличением нежности в обращении с нею; но такого рода нежность обиднее холодности, горче побоев и ругательств и т. д. Подобная аргументация, по мнению Г. В. Плеханова, слишком уязвима для критики. Весьма сомнительно, чтобы Лукреция перед самоубийством могла предаваться такому хладнокровному расчету, ибо она не отличалась рассудочностью. Ее поступок был вызван не расчетом, но чувством, «сложившимся под влиянием тогдашних общественных привычек и отношений», которые, утверждал Г. В. Плеханов, так приспособляются обыкновенно к существующим общественным отношениям, что совершаемые под их влиянием поступки могут показаться подчас плодом самых основательных расчетов, между тем как в действительности вовсе не были вызваны расчетливостью. «Поступки отдельного лица представляют собой результат общественных привычек, общественные же привычки складываются не под влиянием расчетов рассудка, а в силу исторического развития общества». Причем его основу составляют экономические отношения, под воздействием которых формируются «все нравственные привычки и все умственные склонности людей»⁸.

К вопросу о взаимовлиянии экономических отношений и морали Г. В. Плеханов подходит исторически. «Только историческая эволюция может нам объяснить, почему и как общественное благо становится основой господствующей в данном обществе морали», — пишет Г. В. Плеханов, отмечая недостатки философских воззрений на мораль французских

материалистов XVIII в. Считая основой морали общественное, а не личное благо, они таким образом разделяют мнение эволюционистов по этому вопросу, оставаясь на позициях идеализма. Они приняли следствие за причину, не разглядев, что «не субъективный разум личности, а объективная логика общественных отношений диктует личности то или другое поведение»⁹. «Мораль, — писал Г. В. Плеханов, — есть явление *социальное*»¹⁰. Отсюда с логической необходимостью следует вывод, что нравственность проявляется в каждом отдельном человеке через существующие социальные общности, а в ее основе «лежит стремление не к *личному счастью*, а к *счастью целого*: племени, народа, класса, человечества»¹¹.

Исследуя эволюцию морали и ее зависимость от существующих общественных отношений, отмечая недостатки предшествующих марксизму теорий нравственности, Г. В. Плеханов приходит к выводу о том, что «нравственное развитие человечества следует шаг за шагом за экономической необходимостью; оно точно приспособляется к реальным потребностям общества»¹². Поскольку людьми движет интерес, постольку можно говорить о том, что интерес есть основа нравственности. Диктуемая таким интересом линия поведения каждого индивида может казаться либо предписанием «богов», либо «врожденной совестью», либо воздействием «разума» или «природы». Каким же является этот интерес, если он определяет ту или иную линию поведения? Есть ли он личный интерес индивида? В бесчисленном множестве случаев, отмечает Г. В. Плеханов, — да. Хотя индивиды прислушиваются к голосу своих личных интересов, в их поступках все же проявляется интерес целого, социальный интерес, который их предписывает. Такое понимание соотношения

личного и общественного интереса может быть основано на понимании социальной сущности человека. Г. В. Плеханов совершенно прав, считая, что в конечном итоге личный интерес человека отражает интерес общественный. Возникает диалектическое единство соотношения эгоистического и общественного, себялюбия и самопожертвования, которое служит основой нравственной эволюции.

Аристотель, рассуждая о Г. В. Плеханов, считал рабство необходимым учреждением и энергично боролся с теми, кто в этом сомневался. Предположим, что во времена Аристотеля вспыхивает восстание рабов. Речь теперь идет уже о самой основе существования общества. Встав под знамена защитников «порядка», в завязавшей битве храбро сражавшийся философ находит свою смерть. Как мы должны расценивать этот поступок Аристотеля? С одной стороны, он защищал учреждение, имевшее основой интерес имущего класса. Мораль защитников рабства была моралью эгоистической. В то же время им руководили не эгоистические соображения, ибо он боролся за то, что считал общественным благом. Поэтому эгоистические стремления какого-либо класса могут отражаться в действиях отдельных индивидуумов как движения, полные бескорыстия и героизма¹³.

С классово-исторической точки зрения Г. В. Плеханов развивает, по крайней мере, три идеи. Во-первых, нравственность возникает из необходимых социально-экономических условий жизни людей. Он приводит многочисленные этнографические и исторические данные. В частности, можно назвать работу «О так называемых религиозных исканиях в России». Во-вторых, возникнув, нравственность не остается постоянно неизменной. «В нравственных понятиях людей,— пишет Г. В. Плеханов,— нет ничего

абсолютного... они изменяются вместе с изменением тех условий, в которых живут люди»¹⁴. Содержание понятий «создается состоянием производительных сил и изменяется вследствие развития этих сил»¹⁵. В-третьих, историческое изменение условий жизни людей, изменение прежде всего экономических отношений, ведет к появлению классов и вызывает к жизни классовую мораль. С одной стороны, она отражает положение различных социальных групп в данном обществе, а с другой — оправдывает его и защищает. Борьба классов исторически закономерно ведет к борьбе в области нравственных отношений. Причем отношение угнетенного и зависимого класса к господствующему классу двойственно. Пока он недостаточно силен, он подражает поведению и нравственным нормам господствующего класса. Так французская буржуазия подражала дворянам и вследствие этого стала объектом насмешек со стороны Мольера, Данкура и многих других деятелей литературы и искусства. Однако эпоха подражания закончилась эпохой отрицания нравственных норм и отношений, существовавших в обществе. «Наклонности и направления вкуса всякого класса зависят,— писал Г. В. Плеханов,— следовательно, от степени его развития и еще больше от его отношения к высшему классу — отношения, определяемого названным развитием»¹⁶, т. е. развитием производительных сил общества.

Буржуа, победивший во Франции в конце XVIII в., перешел к отрицанию аристократических норм и порядков. Г. В. Плеханов отмечает, что активная борьба с аристократией вызывает ненависть ко всем аристократическим вкусам и порядкам. В 1790 г. журнал «Парижская хроника» писал: «Все наши приличия, вся наша вежливость, вся наша галантность, все наши взаимные выражения в уваже-

нии, в преданности, в покорности должны быть выброшены из нашего языка. Все это слишком напоминает старый порядок». А гр-н Шалье преподнес Конвенту целый трактат о вежливости. В нем, строго осуждая старую аристократическую вежливость, он писал о том, что излишняя забота о чистоте платья смешна, потому что она аристократична, а нарядная одежда — целое преступление, это кража у государства. Автор трактата утверждал, что все должны обращаться друг к другу на ты: «Говоря друг другу ты, мы завершаем крушение старой системы наглости и тирании». В 1793 г. Конвент предписал всем чиновникам употреблять в своих взаимных сношениях местоимение «ты». Некто Лебон, комиссар Конвента, убежденный демократ и пылкий революционер, получил в подарок от матери дорогой костюм. Но после этого комиссара начали терзать муки совести. По этому поводу он писал своему брату: «Вот уже десять ночей, как я совсем не сплю благодаря этому несчастному костюму. Я философ, друг человечества, одеваюсь так богато, между тем как тысячи моих ближних умирают с голоду и носят жалкие лохмотья»¹⁷.

Однако та же французская буржуазия, выступившая некогда против дворянской аристократии под лозунгами свободы, равенства и братства, прочно «забыла» их, когда ей самой пришлось обороняться от наступающего пролетариата. В июне 1848 г. и в мае 1871 г. французские «буржуа убивали (и приказывали убивать) „своих братьев“ рабочих с неслыханной жестокостью и — что представляет еще больший интерес для нас — с совершенно спокойной совестью... Потому, что мораль буржуа предписывалась им их социальным положением, их борьбой с пролетариями...

Те же самые французские буржуа считают *безнравственным* античное рабство и, вероятно, осуждают массовые убийства восставших рабов, происходившие в древнем Риме, как недостойные цивилизованных людей... Буржуа... вполне „морален“ и предан общему благу; в своем понимании морали и общего блага он не переступит границ, установленных для него, *независимо от его воли и сознания, материальными условиями его существования. И в этом отношении буржуа ничем не отличается от членов других классов.* Отражая в своих идеях и чувствах материальные условия своего существования, он лишь претерпевает общую судьбу всех „смертных“»¹⁸.

Основой для такого утверждения Г. В. Плеханова послужило высказывание К. Маркса. В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс писал, что над различными формами собственности, над социальными условиями существования людей поднимается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мыслей и мировоззрений. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответствующих общественных отношений. Но отдельный индивид, получая свои чувства и взгляды путем традиции и воспитания, может вообразить себе, что они-то и образуют действительные мотивы и исходную точку его деятельности¹⁹.

Г. В. Плеханов защищал и пропагандировал воззрения К. Маркса на эволюцию и классовую принадлежность и зависимость морали прежде всего от экономических (материальных) условий существования людей. Так, например, известного французского социалиста Ж. Жореса Г. В. Плеханов критиковал за попытку «коренного примирения экономического ма-

териализма и идеализма в их применении к историческому развитию»²⁰.

Многие противники марксизма обвиняли Г. В. Плеханова в том, что он провозглашает подчинение людей ярму непримиримой, слепой необходимости. «Нет ничего превратнее этого представления,— говорит Г. В. Плеханов.— Именно материалистическое понимание истории указывает людям путь, который приведет их из царства необходимости в царство свободы»²¹.

В области морали, утверждал Г. В. Плеханов, филистер всегда оказывается идеалистом, потому что он с большим упорством держится за свой идеал, который не может никогда осуществиться. Поэтому идеалисты разделяют действительность на противоположности: здесь дух, идеал, человеческое достоинство и т. д.; там — материя, экономическая необходимость, кризисы, эксплуатация и т. п. «Современные материалисты,— пишет Г. В. Плеханов,— только с презрением могут относиться к подобному „моральному идеализму“»²². У них гораздо более высокое представление о силе человеческого разума, который движется вперед в своем развитии благодаря экономической необходимости. Именно поэтому действительно разумное не должно оставаться вечно в состоянии «идеала». Разумное должно стать действительным. Непреодолимая сила экономической необходимости берет на себя осуществление этого²³.

Г. В. Плеханов иронизировал над идеалистическими воззрениями противников марксизма. Еще Фихте горько сетовал на то, замечал Г. В. Плеханов, что «большинство людей легче довести до того, чтобы они считали себя кусочками лавы на луне, чем самими собой». Любой добрый филистер наших дней также скорее признает, говорит Г. В. Плеханов, что он является «кусочком лавы на луне», чем примет

теорию, согласно которой все его идеи, взгляды и обычаи обязаны своим происхождением экономическим отношениям его времени. Он апеллировал бы к человеческой свободе, к разуму и к бесчисленному количеству других не менее прекрасных и достойных уважения вещей. Добрые филистеры даже не подозревают, негодую на К. Маркса, что этот человек только разрешил противоречия, которыми наука терзалась в течение по крайней мере целого столетия²⁴.

Марксистам приписывали самые нелепые взгляды на вещи, а часто и то, что они будто бы не признают значения идей и во всем движении человеческой истории видят лишь экономическую необходимость. Но мы, писал Г. В. Плеханов, не пренебрегаем идеями. «Мы думаем лишь, что идеи не падают с неба, а вырастают из условий социального быта»²⁵. Говоря о так называемых «бессмертных», «непобедимых» и других подобных идеях, марксист имеет не для всех приятную привычку справляться об их происхождении, насколько они соответствуют существующим социальным отношениям. Если они выражают фактический ход общественного развития, то они действительно бессмертны. Если же они идут наперекор ему, то они бессмертны, иронизирует Г. В. Плеханов, разве только в том ограниченном смысле, что со временем трудолюбивый человек может найти их на пыльных полках в какой-нибудь библиотеке²⁶.

Идеи действительно являются важной силой. Их отсутствие может способствовать лишь наступлению периода раздора и шатаний для тех общественных сил и слоев, которые, не уяснив хода исторического движения, бросаются из одной крайности в другую. Особенно часто это наблюдается в критических ситуациях, в те периоды исторического процесса, когда

идей, за которые боролись, оказались неосуществленными. Так это происходило в период революционных событий 1848—1849 гг. в Западной Европе, так было и после поражения российской революции 1905 г. с русской интеллигенцией.

Поражение революции 1848 г. привело к «разочарованию» западноевропейскую интеллигенцию. Часть ее ушла в личную жизнь, примирилась с окружающей действительностью. Другие продолжали еще какое-то время составлять заговоры, постоянно заканчивающиеся неудачами. Третьи терзались безысходной тоской. «И все это было неизбежно для интеллигентов того времени, потому что они перестали понимать ход событий, потому что история пошла вразрез со взглядами этих когда-то полных веры борцов, этих некогда столь самоуверенных идеологов»²⁷. Среди всеобщей деморализации только немногие сохраняли бодрость и веру в революцию. Одним из них был «Карл Маркс, родоначальник материалистического понимания истории, будто бы отрицающей значение идей в развитии человечества»²⁸.

Почему же произошла всеобщая деморализация интеллигенции? Произошло это вследствие того, что интеллигенция, не вышедшая из слоев рабочего класса, по своему общественному положению не могла проникнуться идеей научного социализма. Она довольствовалась различными запутанными, половинчатыми воззрениями, вроде младогегельянства — в Германии, народничества — в России и т. п., вполне соответствовавшими ее незрелому возрасту и промежуточному положению между народом и его непосредственными эксплуататорами. «...Идея — великая вещь! — восклицает Г. В. Плеханов. — Но для того, чтобы она могла сыграть свою великую роль, она должна быть разумной идеей, она должна уметь

схватить и выразить действительный ход истории. При этом условии идея является неодолимою силою. В противном случае она служит источником слабости, разочарования, умственного и нравственного падения»²⁹.

Пропагандируя марксизм в русском и западноевропейском обществе, защищая его от нападков, воспитывая пролетариат в непримиримости к буржуазным общественным отношениям, Г. В. Плеханов ясно осознавал великую мобилизующую роль идей. Обусловленные существующими социальными отношениями человеческого бытия, идеи сами не могут не оказывать революционизирующего воздействия на породившую их причину. «Без революционной теории нет революционного движения... Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире»³⁰.

Отвергая утверждения, что люди подчинены законам естественной необходимости, что все их действия фатально предопределены, Г. В. Плеханов в своих работах высказывает мнение, что человек — не игрушка слепых сил. Он представляет собою деятельное существо, добивающееся своих целей, если они не противоречат историческому процессу. «Люди делали и должны были делать свою историю *бессознательно* до тех пор, пока двигательные силы исторического развития действовали за их спиной, помимо их сознания. Раз открыты эти силы, раз изучены законы их действий — люди будут в состоянии взять их в собственные руки, подчинить их своему собственному разуму. Заслуга Маркса заключается именно в том, что он открыл эти силы и подверг тщательному научному изучению их действия»³¹.

При всем положительном, что было сделано Г. В. Плехановым при объяснении источников мо-

рали, следует отметить и некоторые неточности и ошибки. В девятом примечании к своему русскому переводу книги Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Г. В. Плеханов рассматривал первичные нравственные нормы как естественную способность человека, раскрывавшуюся в длительном процессе развития и передававшуюся по наследству от поколения к поколению³². Отмечая этот факт, Б. А. Чагин имеет в виду следующее место: «...Социальные чувства могут передаваться от поколения к поколению и усиливаться путем естественного отбора (см. очень дельные замечания Дарвина на этот счет в его книге о происхождении человека) ...социальные чувства, свойственные не только человеку»³³. Надо полагать, причиной такого утверждения явилось то, что Г. В. Плеханов без достаточных критических оснований отнесся к некоторым установкам знаменитого естествоиспытателя. В «Очерках по истории материализма», написанных примерно в то же время, что и примечания к «Людвигу Фейербаху», Г. В. Плеханов заметил, что, по Дарвину, интеллектуальные и моральные чувства изменчивы. «И мы имеем все основания думать,— цитирует он Дарвина,— что изменения имеют тенденцию наследоваться»³⁴. Далее Г. В. Плеханов отметил: «Нас далеко не удовлетворяет теория Дарвина о наследственности нравственных и интеллектуальных „задатков“»³⁵. В статье «О книге Масарика (1901) он, критикуя утверждения автора о том, что идеи Маркса и Энгельса противоречат эволюционной теории Дарвина, хотя они и ценили ее, писал: «Дарвин, действительно, не додумался до исторического материализма. Он, действительно, склонен был применять свою биологическую теорию к объяснению социальных явлений. Но это ошибка его, Дарвина, а не Маркса»³⁶.

Можно констатировать, что Г. В. Плеханов недолго оставался в заблуждении относительно наследования нравственных чувств. Неточности высказывания не могут заслонить собою всего положительно, что было сделано им как пропагандистом и защитником материалистических воззрений по вопросам нравственности и ее происхождения. В России пробивало себе дорогу научное объяснение проблем морали и ее влияния на решение социальных вопросов.

XXXXXXXXXX